

A man in a blue suit and a woman in a grey tweed dress are standing in a library, looking at each other. The man is on the left, and the woman is on the right. They are both looking towards each other. The background is a bookshelf filled with books. There is a window on the right side of the image with a patterned curtain. The lighting is warm and soft.

Сергей Патрушев

Колготки моей бывшей

Сергей Патрушев
Колготки моей бывшей

«Автор»

2026

Патрушев С.

Колготки моей бывшей / С. Патрушев — «Автор», 2026

Он думал, что развод — это финал. Точка, поставленная в загсе, разделённые полки в шкафу и тишина в пустой квартире. Лиза ушла, забрав чемоданы, кота и запах ванильных духов. Макс почти убедил себя, что справился: работа, бассейн по вечерам, ровное одиночество, в котором даже есть своё удобство. Но всё пошло трещинами в ту субботу, когда он полез за стиральным порошком и наткнулся на её чёрные колготки. Макс превращается в хранителя музея утраченной любви, сам того не желая. И когда он наконец решается жить дальше, встречает новую, светлую и лёгкую Алису, и уже почти верит в право на счастье, Лиза возвращается. Стоит у подъезда, заплаканная, и просит впустить её обратно в дом. Ему предстоит выбрать между прошлым, которое не отпускает, и будущим, которое он едва успел коснуться. «Колготки моей бывшей» — пронзительная и горькая история о том, как трудно отпустить любовь, когда она остаётся в складках ткани, в запахе старых вещей и в тишине квартиры, которая когда-то была общей.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Колготки моей бывшей

Глава первая.

Я нашел их в субботу утром, когда полез за новой пачкой стирального порошка. Они лежали на дне бельевого ящика, скомканные в тугий черный комок, присыпанные пылью, оставшейся после ремонта двухлетней давности. Моя рука замерла. Порошок я так и не достал, а вместо этого вытащил наружу этот невесомый шелковистый узел. Это были колготки Лизы. Я узнал их сразу, даже спустя восемь месяцев после того, как она вывезла свои чемоданы, духи и кота. На левой щиколотке, если присмотреться, все еще должна была оставаться крошечная затяжка, которую она залила бесцветным лаком для ногтей. Помню, как она ругалась тогда, сидя на краю ванны, а я стоял в дверях и глупо улыбался, потому что она была красивой даже когда злилась. Я развернул колготки. Они пахли не Лизой, а старым шкафом и сухим деревом. Запах ее духов — чего-то ванильного с горьким апельсином — выветрился окончательно, и от этого в груди стало неожиданно пусто. Я стоял посреди спальни с этими колготками в руках, как идиот, и не знал, что с ними делать. Выбросить в мусорное ведро показалось мне актом предательства или, наоборот, слишком символическим концом, на который я не был морально готов. Положить обратно в ящик означало оставить в доме призрака, который будет попадаться мне на глаза раз в полгода, когда кончится порошок. Я сжал капрон в кулаке. Он был почти неосязаем, как воспоминание о том, как она поправляла эти самые колготки перед выходом в театр, придерживаясь за мое плечо, чтобы не упасть. Мир сузился до размеров этой черной тонкой ткани. Я думал, что моя жизнь после развода наконец-то вошла в ровную, спокойную колею холостяцкого существования. Оказалось, достаточно одного случайного предмета из прошлого, чтобы колея эта пошла трещинами. Я вдруг понял, что не помню, когда в последний раз смеялся в голос за завтраком. Я аккуратно, словно сапер на минном поле, сложил колготки и положил их на край гладильной доски. Надо было решить этот вопрос раз и навсегда. Либо звонок Лизе с дурацким вопросом «ты колготки не забыла», либо мусоропровод. Телефон лежал на тумбочке и предательски молчал. За окном шумел мусоровоз, наполняя комнату гулом и вибрацией. Я подошел к окну, все еще сжимая в руке этот проклятый чертов капрон, и вдруг увидел внизу, во дворе, женщину в точно таких же черных колготках, которая выгуливала таксу. Она подняла голову, поправила сползшую лямку сумки, и в этот момент была так неуловимо похожа на Лизу своими движениями, что я отшатнулся от окна. Это была не она. Разумеется, нет. Просто мир решил пошутить надо мной именно сегодня, вытащив на поверхность все то, что я старательно утрамбовывал на дно памяти. Я сел на незаправленную постель и тупо уставился на колготки в своей руке. Они были теплыми от моего кулака. Восемь месяцев, сказал я себе. Восемь гребаных месяцев тишины и спокойствия были уничтожены куском ткани стоимостью в триста рублей. Где-то там, в другом районе города, Лиза пила свой утренний кофе и даже не подозревала, что из-за ее забытой вещи мое сердце колотится где-то в районе горла. Я перевел взгляд на телефон. Номер ее был стерт из записной книжки, но я, конечно же, помнил его наизусть, потому что память предательски хранит именно то, что причиняет боль. Это будет глупо. Безумно глупо. Я представил ее удивленное лицо, а может, даже смех. Смех, от которого у нее появлялись морщинки вокруг глаз. Я не звонил ей с марта. С того самого вечера, когда мы оба сказали слишком много слов, которые не хотели говорить. Я встал, расправил колготки на весу. На свету была видна та самая микроскопическая дырочка на пятке. Лизин след. Первая глава этой истории началась не с громких слов или случайной встречи. Она началась с колготок, застрявших между пакетами с порошком, и с тишины пустой квартиры, которую я только сейчас, спустя почти год, по-настоящему расслышал.

Глава вторая. Кофта моей бывшей.

После истории с колготками я дал себе слово навести в квартире порядок раз и навсегда. Вычистить все углы, перебрать антресоли, выбросить хлам, который копился годами и который я упорно не замечал, потому что смотреть туда означало ворошить прошлое. В ближайшее воскресенье я вооружился мусорными пакетами и стремянкой. На антресолях в коридоре хранилось то, что не влезло в шкафы, то есть забытые вещи, которые уже никому не нужны, но выбросить их почему-то жалко. Я открыл дверцу и на меня пахнуло теплой пылью и нафталином. Там лежали старые лыжные ботинки, коробка с советскими елочными игрушками, доставшимися от мамы, и большой целлофановый пакет, перевязанный скотчем. Я точно знал, что в этом пакете. Знал и все равно полез. Внутри оказалась ее кофта. Не та нарядная блузка, в которой она ходила на работу, и не тот тонкий джемпер, который она надевала на свидания. Это была ее домашняя кофта. Растянутая, бесформенная, выцветшего серого цвета, с высоким воротником и рукавами, которые были ей безнадежно длинны, так что она всегда закатывала их до локтей. На левом рукаве виднелось бледное пятно от вишневого варенья, которое она пролила в то утро, когда мы завтракали на балконе, кажется, в прошлом мае. Кофта была ужасно некрасивой и ужасно родной. Я вытащил ее из пакета и она обмякла в моих руках, как уставшее животное. Лиза купила ее за три копейки в каком-то секонд-хенде, еще когда мы только начали жить вместе, и носила ее каждый вечер, когда возвращалась с работы и переодевалась в домашнее. Она говорила, что эта кофта страшная как атомная война, но мягкая и теплая, а это главное. Я ненавидел эту кофту ровно до того момента, как Лиза съехала. А потом вдруг понял, что именно эта кофта была символом нашего уютного вечера. Когда она сидела в ней на диване, подобрав под себя ноги, и смотрела какой-нибудь дурацкий сериал, а я читал книгу рядом, и мы молчали, но это было хорошее молчание. Я поднес кофту к лицу. Запах. Слабый, почти неуловимый, но еще живой. Не духи, нет, духи выветриваются быстро, особенно с дешевой синтетики. Это был запах ее кожи, смешанный с чем-то кремовым, с чем-то таким, что бывает только у человека, с которым ты делил одну подушку почти четыре года. Я закрыл глаза и на секунду мне показалось, что если я сейчас обернусь, то увижу ее на кухне, стоящую у плиты и помешивающую свой травяной чай. В колготках она не нуждалась, они были просто забытой вещью, случайностью. Но кофта, домашняя кофта, это другое. Ее нельзя забыть случайно. Либо ты намеренно оставляешь вещь, с которой связано слишком много тепла, потому что не хочешь забирать это тепло в новую жизнь, либо ты оставляешь ее как мостик, как повод вернуться когда-нибудь, через год, через два, и сказать с порога, знаешь, я тут кофту у тебя забыла,пустишь зайти. Я сел на пол в коридоре, прислонившись спиной к стене. В руке я держал этот серый клочок шерсти, а в голове крутилась только одна мысль. Я не знал, зачем Лиза оставила кофту. Может быть, она просто выросла из этого периода своей жизни и выбросила ее из головы вместе с воспоминаниями о наших совместных вечерах. А может быть, она не смогла ее надеть в той новой квартире, где больше не было меня, потому что кофта бы сразу перенесла ее обратно сюда, в наш коридор, на наш старый скрипучий паркет. Я посмотрел на телефон, который оставил на тумбочке. Номер Лизы пульсировал где-то в затылке, как зубная боль. В прошлый раз, с колготками, я смог остановиться. Я просто положил их в ящик комода, подальше от глаз, и сказал себе, что это просто тряпка. Но с кофтой этот номер не проходил. Кофта пахла. Я снова поднес ее к лицу и вдохнул глубже. Где-то в этом запахе пряталось наше прошлое воскресное утро. Я представил, как набираю ее номер и говорю в трубку глухим от долгого молчания голосом, Лиза, у меня тут твоя серая кофта, она все еще пахнет тобой, что мне с ней делать. Она, наверное, сначала замолчит, а потом скажет что-нибудь простое и отрезвляющее, вроде выбрось, Макс, зачем тебе этот хлам. Или не скажет. Или просто положит трубку. А может быть, в ее голосе дрогнет что-то, что я так хорошо знал раньше. Я сидел на

полу и держал кофту моей бывшей, как держат руку умирающего в больничной палате, зная, что вот-вот нужно будет отпустить, но все равно не решаясь разжать пальцы. Пыль с антресолей медленно оседала в солнечном свете, пробивавшемся из окна кухни, и каждая пылинка казалась мне осколком того времени, которое мы убили своими собственными руками. Я все-таки встал. Ноги затекли. Я аккуратно свернул кофту, положил ее в тот же ящик комода, где уже лежали черные колготки, и закрыл ящик. Мусорный пакет так и остался стоять пустым посреди коридора. Вторая глава закончилась тем, что я в очередной раз ничего не решил, но впервые за восемь месяцев почувствовал не только пустоту, но и что-то похожее на слабый, почти угасший уголек надежды.

Глава третья. Розовые носки моей бывшей.

После кофты я объявил самому себе негласное перемирие. Я запретил себе приближаться к комоду. Это было смешно, если посмотреть со стороны. Взрослый мужчина тридцати двух лет, с высшим образованием, с ответственной работой, с кредитной картой и абонементом в спортзал, воюет с предметом мебели. Но я действительно воевал. Я даже придвинул к ящику тяжелый дубовый стул с высокой спинкой, тот самый, который мы с Лизой купили на блошином рынке и который вечно шатался и скрипел. Я придвинул его так, чтобы спинка упиралась прямо в ручку ящика. Это был ритуал. Глупый, бессмысленный ритуал, но он помогал мне чувствовать, что я контролирую ситуацию. Две недели я держался железно. Приходил с работы, ужинал чем-то разогретым из контейнера, мыл тарелку, ставил ее на сушилку и ложился в кровать, старательно отводя взгляд от того угла спальни, где стоял комод и его пленник стул. Я читал перед сном. В основном новости в телефоне, пролистывая бесконечную ленту катастроф и чужих жизней, лишь бы не оставаться наедине с тишиной и собственными мыслями. Но вечерами, когда свет фар проезжающих машин скользил по потолку, я все равно ловил себя на том, что смотрю в сторону комода. Стул стоял как немой стражник, и мне казалось, что он смотрит на меня с укоризной. Стул помнил, как Лиза сидела на нем, поджав ноги, и пила чай с мятой. Стул помнил, как она вешала на его спинку свою одежду перед сном. Стул был на ее стороне. Вчера вечером я стирал постельное белье. Это была рутина, которую я всегда ненавидел, но теперь она стала почти медитацией. Закинуть простыни в барабан, насыпать порошок, нажать кнопку, слушать ровный гул машины. Я снял наволочки, стащил пододеяльник. Белье было теплое, сонное, хранившее отпечаток моего тела за последнюю неделю. Я скомкал его в большой бесформенный ком и понес в ванную. И вот когда я уже запихивал этот ком в стиральную машину, расправляя углы пододеяльника, что-то мягко и почти беззвучно выскользнуло из складок ткани и упало на кафельный пол. Звук был такой тихий, что я мог бы его и не услышать. Но я услышал. Потому что тишина в этой квартире теперь была такой плотной, что в ней тонули даже самые слабые шорохи. Я замер. Руки так и остались висеть в воздухе, сжимая край пододеяльника. Я посмотрел вниз. На сером кафеле лежало что-то маленькое, мягкое, розовое. Сердце пропустило один удар, а потом забило где-то в горле. Я медленно, очень медленно, словно боясь спугнуть это нечто, отпустил белье и присел на корточки. Это был носок. Один носок. Розовый. С крошечными белыми сердечками, вышитыми по самому краю резинки. Узор немного выцвел от времени и стирок, но сердечки все еще были различимы. Я узнал бы этот носок из миллиона других. Я сидел на корточках на холодном кафеле и смотрел на него, и внутри меня происходило что-то странное и болезненное, что-то среднее между нежностью и панической атакой. Рука сама потянулась к носку. Пальцы коснулись мягкой махровой ткани. Она была чуть влажной от конденсата стиральной машины. Я поднял носок и расправил его на ладони. Маленький. У Лизы был тридцать пятый размер, она вечно жаловалась, что на распродажах нормальные размеры разбирают в первую очередь, а ей остаются только подростковые модели или остатки со скидкой семьдесят процентов. Я помню,

как она примеряла кроссовки в магазине и сердито сопела, а продавец разводил руками. Я тогда стоял рядом, прислонившись к стеллажу с коробками, и улыбался, потому что ее злость была такой комичной и трогательной одновременно. Воспоминание ударило под ребра с такой силой, что я на секунду перестал дышать. Я видел этот носок на ее ноге. Видел так ясно, будто это было вчера. Мы были в Питере, наш первый совместный выезд куда-то дальше области. Ноябрь, мокрый снег, ветер с Невы, который пробирает до самых костей и заставляет жалеть о том, что ты вообще родился в этом климате. Мы гуляли по набережной, Лиза постоянно терла нос, который мгновенно покраснел и распух, и в какой-то момент она решительно потащила меня в первый попавшийся магазинчик, потому что ноги у нее промокли насквозь. Это была крошечная лавка, забитая шерстяными вещами, от пола до потолка. Там пахло овечьей шерстью и чем-то сладким, кажется, сушеной лавандой. Лиза сразу направилась к корзине с носками и начала в ней рыться с энтузиазмом археолога, наткнувшегося на древние руины. Она вытаскивала одну пару за другой, разглядывала, хмурилась, отбрасывала обратно. А потом вдруг ахнула и вытянула на свет эти розовые носки с сердечками. Я посмотрел на них и засмеялся. Они были ужасны. Честное слово, они были безвкусны до такой степени, что это уже становилось искусством. Ярко-розовый цвет, как сладкая вата на детском празднике, и эти белые сердечки по краю, как будто их связала чья-то слишком сентиментальная бабушка. Лиза поднесла их к лицу, покрутила, а потом натянула один носок прямо поверх своего мокрого носка, и ее лицо озарилось такой искренней детской радостью, что у меня перехватило дыхание. Я куплю их, сказала она тогда, и голос ее звенел от смеха. Это самая безвкусная вещь, которую я когда-либо видела в своей жизни, и именно поэтому я должна их купить. Она протянула продавщице мятые купюры, которые достала из заднего кармана джинсов, и я смотрел, как ее пальцы, покрасневшие от холода, пересчитывают сдачу. Уши у нее были совершенно малиновые, и кончик носа тоже. Она была прекрасна в тот момент так, как бывает прекрасен человек, которого ты любишь без всяких условий и оговорок. Я сидел на полу ванной, сжимая в кулаке этот розовый клочок ткани, и меня накрывало волнами. Сначала пришла нежность, острая и почти невыносимая, как зубная боль. Потом злость. Глухая, тяжелая злость на самого себя за то, что я не могу просто выбросить эту тряпку и жить дальше. Потом пришло отчаяние, липкое и холодное, как ноябрьский ветер с Невы. Второго носка не было. Я обыскал весь пододеяльник, вывернул его наизнанку, прощупал каждый шов, каждую складочку. Я перетряхнул корзину с грязным бельем, поднял все футболки и полотенца, лежавшие там. Я заглянул в барабан стиральной машины, провел рукой по резиновому уплотнителю, куда часто забиваются мелкие вещи. Ничего. Второй носок исчез. Растворился в ткани реальности, как это всегда происходит с носками. Только раньше это были мои носки, и мы с Лизой смеялись над этим, придумывая теории про домового, который ворует их и вяжет себе из них свитер. Лиза говорила, что наш домовый модник и ему нужен материал для творчества. Я подхватывал шутку, и мы соревновались, кто придумает более нелепую причину пропажи. Это была наша маленькая традиция, наша игра. Теперь это была не игра. Теперь это был один розовый носок, оставшийся от нее, и второй, пропавший в никуда, как пропала и она сама. Я поднес носок к лицу. Закрыв глаза и вдохнул. Пахло стиральным порошком. Моим порошком. Тем самым, из-за которого я две недели назад нашел колготки. Хлорка и отдушка с запахом альпийских лугов съели все. Запаха Лизы не осталось. Вообще. Ни капли. Ни намек на ту смесь ванили с горьким апельсином, которая въедалась во все ее вещи. Я вдыхал глубже, почти с отчаянием наркомана, который ищет остатки вещества на дне пустого пакетика. Но носок пах только стиркой и моим домом. И от этого стало так горько, что я зажмурился до белых кругов перед глазами. Потому что получалось, что я держу в руках просто кусок розовой ткани. Просто вещь. Просто хлам. А сердце колотится так, будто я нашел ее прощальное письмо, написанное от руки, с кляксами и неровным почерком. Я задумался. По-настоящему задумался, сидя на кафельном полу и прислонившись спиной к холодной стене ванной. Колготки можно объяснить забывчи-

востью. Она собиралась второпях, хватала вещи охапками, могла и не заметить, что одни колготки остались в ящике с порошком, куда я сам их, кажется, и засунул когда-то в приступе хозяйственности. Кофту тоже можно списать на обычную человеческую небрежность. Старая, растянутая, зачем тащить ее в новую жизнь, где все должно быть свежим и чистым. Но носок. Один носок, застрявший в пододеяльнике восемь месяцев назад и дождавшийся именно этого вечера, именно этой стирки. Это было слишком. Это было уже не просто забывчивость. Это было послание. Или мне хотелось, чтобы это было посланием, потому что тогда ее уход имел бы какой-то смысл, какой-то тайный план, а не был просто концом, точкой, поставленной жирным маркером на четырех годах нашей жизни. Я представил, как она собирала вещи в тот последний день. Я ведь помнил его в деталях, хотя и гнал от себя эти воспоминания. Она ходила по квартире с большим клетчатым чемоданом, который мы когда-то купили для поездки в Крым, и закидывала в него вещи. Не складывала аккуратно, а именно закидывала, комом, как попало. Она торопилась. Или делала вид, что торопится, чтобы не передумать. Ее лицо было бледным, а глаза красными, но она не плакала при мне. Она держалась. Плакала она в ванной, когда думала, что я не слышу, но я слышал эти сдавленные всхлипы сквозь шум воды. Я стоял у окна в гостиной и смотрел на парковку. Я боялся повернуться. Боялся, что если встречу с ней взглядом, то либо упаду на колени и начну умолять остаться, либо скажу что-то такое, от чего станет еще больнее нам обоим. Мы оба знали, что это конец. Не тот конец, который можно исправить разговором или объятиями. Тот конец, который зрел месяцами, как нарыв, и наконец прорвался. Так вот, я сидел и думал. Могла ли она в тот момент, между слезами в ванной и утрамбовыванием чемодана, сунуть этот носок в пододеяльник. Специально. Намеренно. Зная, что я не сразу сменю белье, что я вообще не очень люблю это дело, и что пройдут месяцы, прежде чем я наткнусь на этот розовый привет из прошлого. Я попытался увидеть ее лицо в этот момент. Вот она стоит у кровати, держит в руках этот носок, смотрит на него. О чем она думает. Вспоминает ли она тот ноябрьский день в Питере, когда мы были счастливы и не знали еще, что через три года будем делить шкафы и посуду с такой горечью, будто делим общих детей. Думает ли она о том, что я найду носок и, может быть, позвоню. Или она просто комкает его в кулаке в приступе злости и засовывает подальше, чтобы больше никогда не видеть эту безвкусную розовую тряпку, напоминающую о человеке, с которым не сложилось. Я не знал. И это незнание сводило с ума. Я мог бы позвонить и спросить. Прямо сейчас. Набрать номер, который я стер из телефона, но который намертво вбит в подкорку, и когда она снимет трубку, спросить хриплым от долгого молчания голосом, Лиза, я нашел твой розовый носок, тот самый, с сердечками, он лежал в моем пододеяльнике восемь месяцев, скажи мне, ты оставила его специально или это просто случайность. Я представил ее реакцию. Она замолчит. Сделает паузу, как всегда делала, когда вопрос заставлял ее врасплох. Я услышу в трубке ее дыхание и, может быть, далекий шум ее новой жизни, ее новой квартиры, в которой нет меня. А потом она ответит. И ее ответ может быть каким угодно. От сухого «выброси, Макс, не придумывай» до тихого «я не знаю, я правда не знаю». И оба варианта будут для меня мучительны, потому что ни один не даст мне того, что я на самом деле хочу услышать. А что я хочу услышать. Я сам не знал. Может быть, я хотел услышать, что она скучает. Что в ее новой жизни есть место для мысли обо мне. Что она тоже иногда просыпается в три часа ночи и смотрит в потолок, вспоминая, как мы лежали на этой самой кровати, под этим самым пододеяльником, и она грела свои ледяные ступни о мои ноги, потому что у нее вечно мерзли ноги, даже летом. Я встал. Колени затекли и противно хрустнули. Я вышел из ванной, все еще сжимая носок в правой руке, и направился в спальню. Стул стоял на месте. Я подошел к нему, взялся за спинку, чувствуя ладонью тепло дерева, нагретого за день, и отодвинул его в сторону. Ножки проскрежетали по паркету. Я открыл ящик комода. Там лежали черные колготки, аккуратно свернутые в тугий рулон. Там лежала серая домашняя кофта, сложенная так, как складывают вещи в магазине. И теперь к ним добавился третий экспонат. Я положил розовый

носок рядом с кофтой. Он смотрелся там чужеродно и вызывающе, как яркое пятно на черно-белой фотографии. Слишком живой, слишком веселый, слишком напоминающий о том времени, когда мы еще умели смеяться. Я закрыл ящик. Я снова придвинул стул, плотно уперев спинку в ручку. Я лег на кровать. Свежее белье пахло кондиционером и чуть-чуть утюгом. Оно было прохладным и гладким. Я лежал и смотрел в потолок, на котором плясали тени от веток дерева за окном. Фары редких машин скользили по белой краске, рисовали световые дорожки и гасли. Где-то там, в другом районе города, в своей новой жизни, Лиза, возможно, тоже лежала сейчас в постели и смотрела в свой потолок. Или не лежала. Может быть, она была не одна. Может быть, ее ступни грел кто-то другой. Эта мысль пришла без стука, как всегда приходят самые невыносимые мысли. Я закрыл глаза. Я попытался представить второй носок. Где он. Застрял в щели между стеной и стиральной машиной. Упал за батарею. Был унесен ветром, когда я сушил белье на балконе в ту единственную стирку, которую делала еще Лиза. Или он сейчас лежит где-то у нее, в ее новой квартире, одинокий розовый носок без пары, и она держит его в руках и думает обо мне. Этого я не узнаю никогда. Третья глава моей жизни с вещами бывшей закончилась тем, что я повернулся на бок, лицом к стене, и долго смотрел на рисунок обоев, который за годы стал таким родным, что я мог бы нарисовать его по памяти с закрытыми глазами. Где-то в комодке лежали три вещи, три молчаливых свидетеля нашего общего прошлого, и ждали, что я с ними сделаю. А я не знал. Я правда не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.